

В ПОСЛЕДНИЕ годы на страницах английской печати много пишут о новых тенденциях в театре. «Разгневанного» Джона Осборна, который вывел на сцену нового героя, обличавшего буржуазный строй, сменили сейчас новые драматурги, а с ними в английский театр пришли другие темы и другие герои. Больше всего споров вызывает самый плодотворный и модный драматург Гарольд Пинтер, которого буржуазная критика считает вождем этого нового направления. В путанице терминов и суждений постепенно выявляется лицо «нового авангарда». 8 декабря 1964 года в нашей газете была напечатана статья Джона Сазерленда, критика газеты «Дейли уорнер», рассказывающая о «театре жестокости». Сегодня мы публикуем статью английского критика и драматурга Стюарта Дугласа, напечатанную в прогрессивном английском журнале «Лейбор мансли» в июльском номере этого года. Статья подводит итоги последних десяти лет и в общих чертах отмечает «расстановку сил» в английском театре.

ДЕСЯТЬ лет назад в Лондоне в театре «Ройал корт» впервые была поставлена пьеса Джона Осборна «Оглянись во гневе». В Стратфорде Джоан Литтлвуд готовилась познакомить публику с Шейлой Делани и Бренданом Бизном. Вот-вот должна была появиться трилогия Арнольда Уэскера. Воздух был наэлектризован новыми пьесами новых драматургов. За весь нынешний век то был один из самых волнующих периодов в истории английского театра.

Целый ряд факторов подготовил этот освежающий вихрь прогрессивных идей, ворвавшийся в затхлую среду коммерческого театра. В числе этих факторов — бомба и ускорение гонки вооружений; разочарование, вызванное деятельностью первого послевоенного лейбористского правительства и возвращением к власти консерваторов с их устаревшей политикой; кроме того, стало ясно, что у громадной части английского населения нет никаких светлых перспектив, нет ничего, кроме необходимости влачить путь все той же жизни, к которой теперь прибавились холодная война и угроза ядерного кошмара. Сама эпоха побуждала драматургов заявить свой протест. Со своей стороны театральные предприниматели предавались лихорадочным поискам возможностей заткнуть прорехи в бюджете, вызванные провалом целого ряда спектаклей.

Критики из буржуазного лагеря встретили новую эру в штыки. Немедленно было пущено в оборот презрительное словосочетание: «драматургия кухонной раковины». Подразумевалось, что писатели отвернулись от красоты и человеческого достоинства для того, чтобы копаться в грязи. На деле грязью, которую они показывали, были давно изжившие себя «ценности» капиталистического общества со всеми его антигуманными проявлениями. Новое движение оказалось слишком сильным для того, чтобы его можно было убить словами. Оно расцвело, привлекая внимание писателей из среды рабочего класса, которые занялись исследованием огромных «белых пятен» в жизни английских трудящихся.

Казалось, что с предшествующей эпохой салонной драматургии покончено раз и навсегда. Джон Осборн возвестил начало этого конца, обрушившись на буржуазную цитадель бесплодных, застойных империалистических догм морали. Он вывел на сцену молодых людей — выходцев из средних классов, столкнувшихся на войне с наскоком прогнившей крикливой идеологией насилия. Он показал, как лопаются бесчисленные мыльные пузыри, выдаваемые высшими классами за конструктивные идеи и проникавшие подчас даже в сознание некоторых слоев рабочего класса.

Джон Осборн и его ученики обнажили всю гниль старого. Настало время, когда перед писателями, мечтавшими о созидании, остро встал вопрос о том, чтобы отразить стремление простых людей к новой, лучшей жизни. Вот тогда-то на сцену и выступил Арнольд Уэскер. Его пьесы «Ячменный суп с курицей», «Корни» и «Я говорю о Иерусалиме» прозвучали как призыв к жизни, любви и борьбе. Его герои борются с различными несправедливостями, сохраняя при этом неколебимую веру в подлинно гуманный характер социалистических принципов.

Новое движение проникло и в литературу, и в кино, и на экраны телевизоров. Новые пути проложил Алан Силлитоу в своем романе «В субботу вечером и в воскресенье утром». Несколько мощных взрывов вызвал Клайв Экстон, а Дэвид Мерсер задался целью показать жизнь в Йоркшире в ее истинном свете. И все же, несмотря на реализм произведений и на усилия, потраченные на продвижение этой драматургии, что-то явно не ладилось и не ладится до сих пор. Театр не только не укрепил своего положения, но и сделал шаг назад, в сторону мрака и отчаяния. Битва

Если бы только все они смогли стать культурными и научиться выражать свои чувства и мысли! А ведь когда-то у них все это было — в их старинных песнях и обычаях, но мы отняли это у них».

В этом положении есть доля истины, но, к несчастью, на нем лежит столь явный отпечаток вышеуказанного покровительственно-вы-

дающегося коммерческого театра. Наконец-то появилось что-то, мимо чего снобистская критика не проходила, задрал нос, и что одновременно заставляло раскошелиться. К тому же теперь не было необходимости терпеть обременительное присутствие на сцене молодого, энергичного, протестующего активного героя! Прежняя тропка была потеряна. Вернее, была открыта возможность блуждать любыми тропами. «Идите в театр и делайте, что хотите. Это собьет вас с толку. Катитесь, катитесь!».

Но Пинтер — литератор, знающий свое дело. Довольный, он ухватился за свое нечаянное везение и принялся сочинять пьесы, создающие атмосферу колдовства. Он знал власть слов. Тремя простыми повторяющимися фразами он мог вознести вас в космос. Он — мастер и на всякие «трупные» сюрпризы. Сказать, что его пьесы представляют собой чрезвычайно увлекательное зрелище только благодаря его магическому мастерству, — значит, ничего не сказать. Эти пьесы претендуют (и такими их изборают театральные снобы из круга интеллигенции) на глубокое, положительное, рациональное содержание, на конструктивную позицию перед лицом жизни. На самом же деле позиция эта — негативная и оппортунистическая. И нам понятно, почему это так. Мы не считаем достижением попытку драматурга погасить огонь, который другие с таким трудом высекали.

Мы ценим его мастерство, как и мастерство некоторых других писателей, дебютировавших в недавние годы. Но все они толкуют, как правило, об одном и том же: о бесцельности нашего существования, о кирпичных стенах, о которых мы бьемся, о нашем безнадежном положении, о нашей абсурдности, о нашей жестокости. Зачисленные в разряд «театра абсурда», эти пьесы оспаривались или восхвалялись именно как проявления этого театра, вместо того чтобы быть проанализированными с точки зрения содержания и смысла.

Возможно, наш театр никогда не свелся бы к картинам агонии и маразма, если бы прежние пьесы Осборна и Уэскера содержали недвусмысленный призыв к борьбе. Во всяком случае, пьесам драматургов, верящих в человечество, в его неуклонное движение по пути прогресса, была бы открыта широкая дорога. Я вовсе не думаю, что все это легко и просто. Не существует панцеи от всех наших бед. В противном случае мы с радостью нашли бы ее. Но существует четкий политический анализ, данный левыми силами (к которым так или иначе примыкает большинство наших драматургов). Однако писатели все еще не поняли, что это мировоззрение — лучший из всех тех флагов, под которыми они могут плыть.

Объясняется это многими обстоятельствами и, в частности, тем, что писатель постоянно подвергается всеобщей идеологической обработке, поскольку он испытывает воздействие существующего порядка вещей; не следует также забывать, что он находится в обществе интеллигентов, привыкших к реакционному взгляду на классовые проблемы, к позиции, которую они тщатся выдать за «либеральную». Добавим сюда и особый, всепроникающий вид цензуры «пустого брюха», контролирующей все ваши высказывания посредством страха перед голодным существованием. Такая цензура вернее, чем жирные пометки цензорского карандаша...

И что бы отныне ни случилось, поворота вспять быть не может. Старые ценности разрушены. Прогрессивные писатели должны бороться с философией, обеспечивающей передышку старой гвардии, поскольку эта последняя вне всяких сомнений приступила к перегруппировке сил ввиду предстоящего контрнаступления.

Быть может, уже появился и работает по-настоящему социалистический драматург с конструктивными, честными и глубоко реалистическими убеждениями. Движение за мир, классовые бои, борьба за независимость колоний породили своих писателей. Можно надеяться, что в самом скором времени драматургия вступит в новую эру, эру активного, дальновидного, четкого взгляда на мир, взгляда, который будем разделять мы все.

ЛОНДОН.

ОТГНЕВА К ОТЧАЯНИЮ

Стюарт ДУГЛАС,
английский драматург

далеко еще не выиграна. Сейчас наступила передышка, во время которой Гарольд Пинтер и его подражатели продаются своим нигилистическим фантазиям. Вожди этого театрального направления любят оперировать терминами «театр абсурда» и «театр жестокости», полностью упуская из виду то обстоятельство, что при всей важности формы все-таки определяющим является содержание. Писатели ищут чего-нибудь нованького и упираются в концепцию, согласно которой все люди — примитивные мещане, тупые и пассивные. Что же произошло?

ЗАРОДЫШИ отступления были налицо еще тогда, когда новое движение только начиналось. Среди новых писателей не оказалось ни одного законченного политического мыслителя, который указал бы путь, по которому должны идти простые люди. Драматургам, возглавившим бунт, не хватило в свое время именно того, что сделало бы их вождями. Плевал не веря, точно вирус, зрел где-то в их пьесах.

Для Осборна в высшей степени характерно, что он понимает, в каких путях задыхается молодой интеллигент-художник, вышедший из средних классов. Но Осборн сам слишком буржуа и проявляет полную неспособность к правильному анализу своих героев — представителей рабочего класса или мелкой буржуазии. Присутствуя на спектакле «Оглянись во гневе», зритель легко отождествлял себя с Джимми Портером. Но когда в последних своих пьесах Осборн пытается показать семью, живущую в предместье, у него получаются лишь перепазы салонной драмы. Он даже не попытался объяснить поведение своих героев, исходя из конкретного анализа условий, в которых они живут. Вместо живых людей получились устаревшие карикатуры, еще более примитивные, чем те, которые выходили из-под пера довоенных буржуазных писателей с их покровительственно-высокомерным взглядом на народ. Острый осборновский анализ идеологии правящих классов в результате становится менее убедительным.

Уэскеру почти удалось добиться удачи. Почти, но не полностью. Еще раньше Осборн разрушил цитадель. Перед теми, кто хотел бы пробить дорогу к новой жизни, не оставалось никаких препятствий. К несчастью, Уэскер далеко не до конца разобрался в социализме. Безошибочно угадав, что социализм является ответом на все вопросы, он так и не смог четко и логично представить себе, что это такое. Сомнения, которые он выразил, были главным образом эмоционального порядка и легко могли быть устранены путем тщательного анализа действительности с позиций марксизма. Но иногда кажется, что коль скоро в пьесах Уэскера невозбранно царит чувство, то никакому реальному факту туда уже не пробраться.

Не в силах усмотреть в социализме единственный разумный выход для общества, Уэскер, разумеется, оказался перед необходимостью придумать что-нибудь другое. Это другое он открыл в суждениях одного рабочего парня, обладающего высокообразованным взглядом на искусство и культуру. Так появилась очередная тема Уэскера: «Если бы только трудящиеся классы подобно мне могли увидеть и оценить красоту и радость жизни!

сокомерного отношения к народу, что оно теряет изрядную долю своей разумности. Вместе с тем оно не учитывает некоторых основных черт современной культуры и тем самым воздвигает преграду между драматургом и теми самыми народными массами, в основном молодежью, к которым он как раз и апеллирует. И все же нельзя не ценить усилия, направленные на то, чтобы народ жил полной жизнью в которой было бы место и для культуры, и поэтому основанный Уэскером «Центр 42» заслуживает всяческой поддержки. Независимо на все свои просчеты, Уэскер все-таки остается намного выше своих современников. Хотя я и стремился сделать слишком большой упор на его тягу ко всему нереальному и на его непоследовательность, вместе с тем я не могу не подчеркнуть важность и значительность его произведений для развития английского театра. Произведя разрушительную работу, Осборн оставил всякий хлам. Уэскер убрал хлам и заложил основы нового. Взят ценности гуманизма, он вернул им их прежнее благородство и встал на защиту человека — единственной ценности сущего. Его вера всегда была прогрессивна, хотя подчас ее политическое обоснование походило на ветхие подпорки.

Все эти процессы складывались стихийно в общем потоке культуры. Осборн и Уэскер — продукт условий, сформировавших их и подготавливавших их к той большой работе, которую они ведут. Когда стало возможным оценить и изучить все воздействие их прежнего творчества, то мы задали себе вопрос: «К чему мы пришли?». Конечно, в стенах цитадели были пробиты бреши, но многое оставалось по-прежнему нетронутым. Конечно, новый, вполне правдоподобный, совсем обычный человек, протестуя, недоумевая, шел по сцене, но — куда? Никто не снабдил его планом действий, и не исключено, что он шел к самоуничтожению.

КОГДА на театральную арену вышел гладиатор Пинтер, то боссы коммерческого театра выразили вначале свое недовольство. Его творчество было так непонятно, что могло отпугнуть клиентов. Но внезапно их осенило. Зрители научились понимать пинтерские слова, как им заблагорассудится. Посещение театра превратилось в азартную игру («Вы видите именно то, что вы усмотрели в этом»), и его пьесы вошли в моду.

Своими пьесами Пинтер утверждает: «Что-то не в порядке, не знаю, что именно, но только нам угрожают различные силы: возможно, угроза исходит от Государства, от Большого Бизнеса, от половых желез, от матери, а может быть, от нашей неспособности говорить друг с другом». Это единственный различимый мотив в хаосе символов, повторов, трюков и засад. Это не шаг вперед. Фактически Пинтер набросил завесу на разоблачения своих предшественников, утверждавших: «Многое из того, что дурно, зовется капитализмом с его бесчеловечными принципами, и надо что-нибудь сделать для того, чтобы освободиться от него». Пинтер отступил назад, заявив: «Не знаю, ничего не могу сказать. Пожалуйста угадайте. Во всяком случае, вы совершенно беспомощны».

Негативизм Пинтера, сделавший развлечением, обеспечивающим полные сборы, как вздох облегчения, прозвучал в атмосфере вырож-